

Проснувшись ранним утром, с первыми криками петухов, Иван прочувствовал то, с чем ранее он был незнаком:

Приятный шёпот морского ветра, ласкающий тело...

Чудесная, прекрасная роса, игриво и беззаботно танцующая в едва прорывающихся в наш тёмный мир бесстрашных лучах солнца...

Бесподобное пение птиц, завораживающее слух, лечащее разум и тело... чувства эти были новы для Ивана, ведь он жил в огромном мегаполисе, в котором были лишь пыль, сухость, дожди, чуть-чуть (пока что) разъедающие зонты и прочие мягкие ткани, да воздух, загрязнённый выбросами предприятий настолько, что дышать становилось лишь труднее с каждым вдохом...

Серый, дико скучный мир, настолько убогий, что от контраста его беспощадной природы каменных джунглей с ярким, красочным дивным новым светом Ивану даже показалось, что его смерть была абсолютно необходимым шагом для вступления в эту новую, приятную, жизнь...

Однако, он тут же одёрнул себя, словив на мысли, абсолютно недопустимой для любого живого существа; от вины за фантомное мыслепреступление Ивану сделалось дурно, и так бы он и лежал в постели с хмурой миной, погружённый в баталии несчётных мыслей разного толка, однако, его прервали.

Прервала его незнакомая горничная, видим, зашедшая разбудить Ивана, чтобы отвести его к несговорчивой швее, закончившей, как оказалось, ещё вчера основную работу над костюмом.

Сейчас же Ивану нужно было сходить к ней снова, однако, на этот раз ему было нужно лишь примерить его новый комплект одежды, чтобы тут же выявить различного рода огрехи швеи и методично на месте её же руками их исправить.

Впрочем, этого не понадобилось – костюм был как влитой, а также красив и элегантен, при всём притом, что каким-либо шиком даже и не пахло...

Иван от всей души поблагодарил хорошо постаравшуюся для него швею, а после, уже одетый в новый костюмчик, пошёл в столовую, где встретил уже проснувшегося Дмитрия Ивановича (чего Иван уж точно не ожидал, ведь он полагал, что тот, являясь уже престарелым мужчиной, что, в принципе, и было правдой, проснётся значительно позже и ему [Ване] придётся дожидаться в столовой этого момента одному).

Приятно удивлённый крепостью выносливости и здоровья Дмитрия Ивановича, Иван даже не сразу заметил, что оный его уведомил о важном событии в жизни Вани: его поездке в Петербург, где он, выступая в роли помощника главного бухгалтера, будет работать в течение трёх лет почти бесплатно.

Нет, конечно же, он будет получать жалование, хотя и минимальное для профессии подобного рода, и его будут содержать в плане еды, писарских принадлежностей, постельного белья и так далее на деньги Дмитрия Ивановича, однако, было совершенно очевидно, что эта система ставила Ивана в почти рабское положение, за той лишь разницей от полного, что номинально он всё ещё оставался свободным человеком, чему Ваня, безусловно, был не рад, однако иного выбора он не имел – его, без каких-либо рекомендаций, исключительно на основании простецкого теста, приняли на работу, ему дали одежду, пищу, кров...

Он просто не мог не отдать свой долг.

Поэтому, отринувшись от различного рода крамольных идей, он, с гордо поднятой головой, полный решимости, принялся есть яства, которые поставили на стол, пока он с Дмитрием Ивановичем обсуждал детали его будущей работы.

Закончив обсуждать, а после и завтракать, Иван ненадолго распрощался с своим дорогим собеседником, и, пока Дмитрий Иванович шёл во внутренний двор, а если быть точнее, в специальное здание, где находилась его личная карета, чтобы отдать приказ о подготовке экипажа к пути, Ваня успел настрочить 2 листа наиболее важной для него информации (чтобы не забыть и впоследствии использовать), в основном, самые важные правила и законы химии, как науки, а также некоторые детали из неё, которые он точно забудет, если не запишет их.

Впрочем, на подобном результате он останавливаться не собирался: он собрал все те остатки листов, что остались со вчерашнего дня, смастерил при помощи найденных им в сарае на заднем дворике ржавых гвоздей, спёртой у кухарки пустой стеклянной бутылки, от которой пахло когда-то разливавшейся в бутылки спиртосодержащей жидкостью, набранной в колодце (в том же внутреннем дворике) воды и нарезанных галлов (авторское примечание: не тех самых; речь идёт про наросты на дубовых деревьях и их листьях, в которых живут личинки орехотворок), а также тонкой ткани, имеющей очень маленькие поры, настойку, которую он сможет применять спустя 10-14 дней (что приемлемо, ведь он будет добираться до Петербурга из Азова (авторское примечание: на момент событий произведения Азов всё ещё находится в руках России, так что всё нормально), а путь этот будет далеко не самым быстрым:

Путь от Санкт-Петербурга до Москвы в карете приблизительно неделю, путь от Азова до Санкт-Петербурга по грубым подсчётам – это как дважды проехать вышеуказанный путь, плюс дороги на большей части пути сделаны, мягко говоря, ужасно, так что накидываем сверху ещё неделю, получаем приблизительно 21 день поездки, поэтому он успеет попользоваться только в пути своими чернилами на протяжении 7-11 дней.

На всё про всё у Ивана ушло приблизительно два-три часа, приблизительно столько же понадобилось для подготовки кареты к путешествию, поэтому, стоило только Ване закончить делать свою настойку, как ему Дмитрий Иванович приказал собирать любые свои пожитки.

Иван не стал перечить, тем паче, что дело главное было уже сделано и осталось только оципать по пути дворового гуся, послушался приказа, собрал всё накопленное за время пребывания в этом неопишимо красивом месте, попрощался с Дмитрием Ивановичем, получил от него же на прощание небольшую инвестицию – 10 серебряных рублей, и, после озвучивания

наставления кучеру от него же, экипаж двинулся в дорогу...

<http://tl.rulate.ru/book/35676/776439>